

Часть III

(Продолжение. [Начало «В» от 7.04.2021](#) , [14.04.2021](#))

Японский крейсер...

Восемь миль Первого Курильского пролива с бурунами по северному и южному его берегам, даже при условии сильных встречных ветра и течения, современный теплоход пройдет менее чем за час. Западная оконечность пролива откроет зеленую ширь вспененного волнами Охотского моря. Известный советский исторический беллетрист Валентин Пикуль, никогда не бывавший на полуострове, в романе о Камчатке «Богатство» нашел этим водам очень емкую и точную характеристику: «Красочная гирлянда из бусин-островов отгородила от океана Охотское море, в котором образовался мощный природный холодильник с суровым климатом».

Непостоянство этих вод, их крутой нрав, огромные просторы, разгоняющие ветра до бешеных скоростей, коварные течения стали виновниками гибели множества судов. Сегодня мы ограничимся рассказом об одной из трагедий, которая в ряду камчатских кораблекрушений является печальным рекордсменом по числу жертв. О ней напоминает памятник недалеко от устья реки Озерной. Здесь затонул японский бронепалубный крейсер «Нийтака», названный в честь высочайшей горы острова Тайвань, который на момент спуска корабля на воду в 1903 году принадлежал Стране восходящего солнца.

Трагедия произошла 26 августа 1922 года. К этому времени крейсер «Нийтака» имел сравнительно счастливую морскую биографию. Он вошел в число 14 японских кораблей, противостоявших в бухте Чемульпо легендарному «Варягу» и канонерской лодке «Кореец». Крейсер принял участие в трагическом для российского флота Цусимском сражении. Далее «Нийтаку» военные грозы обошли. В годы Первой мировой войны он выполнял охранные функции, избежав встречи с германским противником, которая, скорее всего, завершилась бы для него гибелью.

«Нийтака» не принадлежал к числу лучших императорских кораблей. Он имела

достаточно слабое артиллерийское вооружение для бронепалубного крейсера. Значительная часть его орудий архаично располагались в казематах. Не отличался корабль и высокими мореходными качествами. Он плохо держал крен. Походы на нем в штормовую погоду превращались для экипажа в пытку. Эта конструктивная особенность корабля и станет причиной его гибели.

В годы российского революционного неурейства изрядно постаревший крейсер часто появлялся в водах, омывающих Камчатку. Здесь он представлял прямой и достаточно убедительный для того времени и условий образчик дипломатии канонеров, а также избыточно обеспечивал своими 152-миллиметровыми орудиями благоприятные условия для промысла и переработки японскими компаниями в неограниченных объемах камчатских морепродуктов.

В летнюю навигацию 1920 года 100-метровый «Нийтака» неоднократно заходил в Авачинскую губу, часто бросая якорь, из-за недостатка места, за пределами Петропавловской гавани. В камчатские воды крейсер вернется спустя два года.

Последний поход корабля из Авачинской губы на западное побережье полуострова в августе 1922 года приобретет символический характер. Я не располагаю сведениями, являлось ли устье реки Озерной конечной точкой маршрута крейсера, или его команда имела и другие цели, кроме сакрального посещения места разгрома камчатскими дружинниками в июле 1904 года японского десанта...

Десант на полуостров...

На полях Маньчжурии и на Ляодунском полуострове в этот период бушевала Русско-Японская война. Подбадриваемые ее далекими раскатами на Курильских островах, которым оставалось принадлежать Стране восходящего солнца еще ровно 40 лет, решили, что наступило время подвести под руку микадо и Камчатку.

Десант отставного капитан-лейтенанта Гундзи Наридата высадился в устье реки Озерной 12 июня 1904 года (*здесь и далее даты по новому стилю. — **Авт.***). На покорение Камчатки отправились около 150 бойцов, вооруженных винтовками «Арисака» и двумя малокалиберными орудиями. На Камчатке, не имевшей регулярных

частей и подразделений русской армии, угроза японского вторжения заставила приступить к формированию ополченческих дружин.

Десант Гундзи Наридата также не представлял собой подразделения регулярной императорской армии. Он состоял из резервистов, что позволило внучке капитан-лейтенанта уже в наши дни заявить, что ее дед не вынашивал никаких захватнических планов, а действовал, побуждаемый чувствами добрососедства и сострадания к жителям Камчатки. Видимо, из этих самых соображений Гундзи Наридата совершил 16 июня налет на село Явино. Его жители при приближении японского десанта благоразумно укрылись в сопках.

Далее воины Гундзи Наридата, продолжая действовать, побуждаемые «чувствами добрососедства и сострадания», освободили дома и надворные постройки обывателей от всего, что представляло ценность. Перед уходом из села японцы вывесили на колокольне национальный флаг и вкопали столб. Табличка на нем извещала, что сия земля находится под рукой божественного микадо. В объявлении также обещали смерть всем, кто посмеет уничтожить символы японской оккупации.

Есть несколько версий того, как события развивались дальше. Я остановлюсь на наиболее динамичном и интригующем варианте, который вполне способен заменить гидам их традиционные рассказы о том, как морская пучина поглотила очередную жертву трагической любви.

Лагерь японцы разбили в нескольких километрах от разграбленного села. Прибывшие в этот район 88 камчатских дружинников под командованием старшего унтер-офицера запаса Максима Сотникова, изучив обстановку, пришли к выводу, что лобовая атака успеха может и не принести, а жертв гарантирует много. Поэтому решили для начала лишить противника его командира.

В лагерь японцев отправили явинского старосту Игнатьева и дружинника Иволайского. Специально для лирически озабоченных гидов напомним, что последнего в стан ополченцев привела умопомрачительная романтическая история со жгучей ревностью и убийством. Впрочем, она выходит за скобки нашего разговора, поэтому возвращаемся в японский лагерь.

Игнатьев и Иволайский приглашают Гундзи Наридата в Явино, жители которого якобы испытывают неодолимое желание присягнуть микадо, но при условии, что десант, пугающий селян своей мощью и многочисленностью, останется на месте. Пока дружинники находятся в японском лагере, они примечают места расположения сторожевых постов, порядок их смены, одним словом, ведут очень грамотную разведку. Игнатьев и Иволайский обратили внимание и на то, что японцы не расчистили подступы к лагерю от густых и высоких зарослей лабазника, который на Камчатке именуют шеломайником.

Гундзи Наридата, не скрывая радости, соглашается принять присягу. По этому случаю он даже заготовит путанную, но высокопарную речь, которую у него найдут после того, как капитан-лейтенант попадет в плен. Гундзи Наридата и представить себе не мог, что русские осмелятся сопротивляться японской мощи, и 28 июля спокойно отправляется в Явино, где его радушно встречают дружинники.

Они предлагают командиру десанта собственноручно снять флаг, срыть столб, вернуть жителям все награбленное, а взамен он и его команда получают возможность спокойно вернуться на Курилы. Гундзи Наридата по-самурайски непреклонно отвергает все предложения. Возможно, он надеялся, что его бойцы поспешат на выручку и восстановят статус-кво, но они предпочли остаться в лагере.

В ночь с 29 на 30 июля туда отправляются дружинники Максима Сотникова. Бой длился полтора часа. Итог его известен. Победа осталась за дружинниками, но существует несколько версий того, как ее удалось одержать. Остановлюсь на предложенной петропавловским уездным начальником Антоном Сильницким. Он имел за спиной 12 лет офицерской службы, а потому мог трезво и грамотно проанализировать происходящие события.

Согласно его запискам «нападение было неожиданным. Японцы растерялись. Но все они оказали упорное сопротивление. В этом столкновении наших дружин с японским отрядом мы потеряли двух убитыми и четырех ранеными. С японской стороны убито и ранено 32 человека. Такой результат боя с малыми для нас потерями объясняется тем, что наши дружинники напали на японский отряд скрадом, ползком на животах, причем первый залп по японцам они сделали уже почти в черте самого лагеря, поросшего высоким камчатским шеломайником».

Японцы отступили на поджидавшую их шхуну. Якобы при эвакуации десанта камчатские дружинники потопили шлюпку вместе с десятком человек на ней...

Ярость моря

Отдал дань памяти соотечественникам, которые стали жертвами собственной вооруженной авантюры, и встал на якорь вблизи устья реки Озерной японский крейсер в августе 1922 года. Разумеется, что в предпринятой моряками акции отчетливо прослеживается не только религиозный подтекст синтоистского культа предков, но и идеологическая составляющая. Японцы напоминали, что земля, на которой пролилась кровь подданных императора, не может считаться чужой.

Согласно официальной версии на берег высадился командир крейсера капитан первого ранга Кога в сопровождении трех офицеров и почти двух десятков других членов экипажа. Вернуться быстро на корабль, как планировалось, им не удалось. 23 августа подул сильный юго-восточный ветер, который выход в море на шлюпках превращал в гарантированный вариант самоубийства. Ни на следующий день, ни через день, как надеялись и на берегу, и на корабле, погода не улучшилась. В субботу, 26 августа, ветер усилился до ураганного и поменял направление на юго-западное. Вот тут и сказалась неустойчивость крейсера к крену. Он перевернулся. Все произошло насколько быстро, что большинство членов экипажа не успели покинуть внутренних помещений.

В некоторых источниках упоминается и о том, что на подходе к устью Озерной крейсер напоролся на рыболовные порядки и, намотав на винты сети, потерял управление. В официальном сообщении о катастрофе таких деталей не содержится. Оно вообще выдержано в духе эпосов о великих подвигах сынов Ямато и вызывает много вопросов своей нелогичностью:

«Крейсер «Нийтака» стоял на якоре около реки Озерной, 51° северной широты и 156° восточной долготы. Ночью 23 августа подул сильный тайфун с юго-востока, и весь экипаж приготовился к встрече его. Утром 26 августа юго-восточный ветер переменился, и тайфун подул с юго-запада. Набежали волны и покрыли палубу сплошным водяным валом, откуда вода полилась во внутренние части и лишила возможности топить котел, кроме того, берег покрылся сплошным туманом и наконец корабль соприкасался с берегом моря. Не имея никаких средств спасти корабль, все утонули с кораблем. Когда «Нийтака» тонул, играл национальный гимн

«Кими-императора» за императорское государство и за крейсер «Нийтака».

В реальности сопровождать гибель перевернувшегося корабля пением гимна могли только моряки, находившиеся на берегу. Можно представить, какой ужас они испытывали, видя обросшее ракушками дно крейсера. Мучительную картину усиливали стуки по корпусу моряков, взывавших о помощи. После переворота корабля, его некоторое время держала на поверхности образовавшаяся в трюме воздушная пробка. Пока доставало кислорода в ней, хватались и за рвущуюся нитку жизни уцелевшие в катастрофе моряки, уже завидовавшие тем, к кому смерть пришла мгновенно. Стуки по корпусу становились все тише и тише. Их еще слышали моряки пришедшего к месту катастрофы спустя двое суток миноносца «Мияке», но недолго. Вскоре крейсер полностью ушел под воду.

Из 303 членов экипажа уцелели только 19 человек, находившихся во время катастрофы на берегу. Среди выживших командира корабля и сопровождавших его во время высадки офицеров не было. По одной из версий, после гибели крейсера капитан первого ранга, лейтенант и два мичмана совершили коллективное сеппуку. Официальных подтверждений этому нет. Японские власти сообщили о найденных телах офицеров: «Все покойные прилично одеты. На них флотские формы и никаких признаков мучения не заметно».

Найденные тела в соответствии с синтоистскими похоронными традициями кремировали.

Летом следующего года к месту гибели «Нийтаки» пришел вспомогательный крейсер «Канто». Находившиеся на его борту водолазы обследовали затонувший корабль и сняли с него все, что могло императорскому флоту пригодиться. Останков моряков не поднимали. Корпус крейсера, перегородивший фарватер, взрывами разделили на несколько обломков.

Тогда же на берегу, в 18 километрах от современного поселка Озерновского, японские моряки установили бетонный памятник погибшим товарищам. Он сохранился до сего дня. Но его современный вид зрелище являет унылое. Конечно, можно попросить японцев восстановить первоначальный вид памятника, и они, скорее всего, не откажутся. Но, наверное, и нам самим пора научиться нести ответственность за сохранение памяти о своем прошлом, пусть и не во всем однозначном.

Что касается нас, то увековечить подвиг и стойкость камчатских дружинников и жителей села Явино в 1904 году мы просто обязаны.

Сейчас на юго-западе полуострова формируется туристско-рекреационный кластер «Заповедная Камчатка: земля людей, вулканов и лосося». Самое время вспомнить о тех, кто эту землю осваивал и защищал. Они достойны создания мемориального комплекса.

А нашему воображаемому круизу по местам знаменитых кораблекрушений пора ложиться на обратный курс, и вовсе не потому, что дальше по западному побережью Камчатки уже не отыщется ничего интересного. Увы, и севернее едва ли не каждая бухта хранит память о трагедиях времен паруса и пара. Только на траверзе реки Большой в XVIII веке далеко по неполным данным погибли десять судов.

НА СНИМКАХ: Крейсер «Нийтака», 1918 год. Антон Сильницкий.

(Окончание следует)

Владимир СЛАБУКА